

Леила Хомерики
Кровавая Мэри

Детективный роман

Леила Хомерики

Кровавая Мэри.
Детективный роман

«Издательские решения»

Хомерики Л. М.

Кровавая Мэри. Детективный роман / Л. М. Хомерики —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853003-6

День был ясный и безмятежный, когда Ия Малышева собралась навестить друзей детства, но шагнув за калитку, она оказалась в фильме ужасов — все друзья мертвы, а на столе красуется графин с напитком «Кровавая Мэри».

ISBN 978-5-44-853003-6

© Хомерики Л. М.
© Издательские решения

Кровавая Мэри

Детективный роман

Леила Михайловна Хомерики

© Леила Михайловна Хомерики, 2017

ISBN 978-5-4485-3003-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
авт. Леила Хомерики

Кровавая Мэри

Всю зиму провела около радиатора – мечтала о лете и отпуске. И вот оно настало – жаркое, жёлтое, яркое, запахло горячим асфальтом и вишнёвым вареньем. В транспорт войти невозможно. Такое ощущение, что туда загнали дюжину невымытых животных, а потом и тебя заткнули – приказав дышать потом и дыней насыщенным воздухом. На улице хуже – выхлопные газы бьют прямо в лёгкие. На этот счёт лучше всего метро, если, конечно, не попадётся в плен к невесть откуда взявшимся цыганам, заполонившим, как саранча, перекрёстки и подземные переходы столицы.

Вчера вечером, еле волоча опухшие от жары ноги, пошкандыбала домой, авоську с фруктами кинула прямо на пол, в потолок взлетели сросшиеся со ступнями босоножки, сама же, тихо постанывая, плюхнулась на диван.

В этот момент зазвонил телефон. С трудом подобрав размякшее тело, поползла до аппарата. Звонила Соня, моя одноклассница и подруга детства. Мне-то думалось, она в Америке. Как выяснилось, ей скоро наскучили высоченные Трамп-билдинги, вылизанные подъезды, вечно сытые американцы, и две недели назад она вернулась в Москву. На данный момент находится в Ново-Огарёво, на даче, где и собирает старых друзей на ужин.

– Ещё кто будет? – поинтересовалась я.

– Тимурины друзья с жёнами, ты, Лола, Катя, Кирилл, Коля, Гриша, Кира.

– Жрачка будет?

– Ты что, с ума сошла?! В такую жару даже не подумаю. Будет фруктовый торт, мороженое и «Кровавая Мэри».

– Что? – спросила я с недоумением.

– «Кровавая Мэри», дурочка, коктейль есть такой.

– Ааа... А я подумала, откуда знакомое словосочетание. Где-то читала про эту «Мэри».

– «Читала», – передразнила Соня. – Лучше один раз попробовать, чем сто раз прочесть.

Хорошая вещь, американцы пьют галлонами. Знаешь, какие они толстые, притом розовые? Чего замолкла?

– Жарко.

– Ну, приглашаю охладиться, можешь остаться до воскресенья. Посплетничаем... Сплетни знаю, умрёшь!

– Правда? – оживилась я. – А всё-таки?

– Не телефонный разговор, – в нос забубнила Соня.

У неё манера – сообщая очередную сплетню, шипит сквозь зубы, как змея на охоте. Вообще, Соня любит создавать вокруг себя ажиотаж, из мухи слона сделает и преподнесёт на блюде. Если учесть, что в основе всякой сплетни лежит искреннее чувство и бескрайняя

фантазия – все слушают разинув рты. В конце концов, интересен не сам факт, а эмоция, которой заряжается и рассказчик, и слушатель. На Сонином месте я бы начала писать детективы.

– В котором часу?

– В семь будь здесь.

– Посмотрим.

– Как это посмотрим? – петушьим голосом возмутилась Соня. – Ты что-то скрываешь, да? Точно скрываешь, – ответила на свой же вопрос. – Если ты опять откопала очередного мужа, я просто повешусь. Ты хоть место укажи на кладбище, где можно выкопать кандидатов в мужья. Их там много?

– Сколько хочешь. Ведро – триста баксов.

– Дешёвка, такого добра и у меня хватает.

– Какого чёрта тогда повисла, как амулет?

– Раньше предполагала, что он стотысячный.

– И не стыдно тебе, – вступилась я за Тимура.

Справедливости ради следует отметить: с мужем Соне повезло. Тимур Арбатов, субъект subtilный и интеллигентный, по настоянию супруги бросил «скучную» профессию программиста, подался в бизнесмены и предстал перед опешившей публикой в качестве владельца ресторана. Сонька распустила павлиньи перья. «Мой муж – директор элитного ресторана», – трезвонила она повсюду. Напрасно горло драла. Людям деньги покажи, а там хоть могильщиком работай. Вышеупомянутый элитный ресторан прибыль не давал. Сонька хвост поджала, но сдать даже не думала. На этот раз её хищный взор устремился к Америке. Долго не раздумывая, втокнула в самолёт своего благоверного и полетела в цитадель демократии, а вернулась оттуда ни с чем... если не считать рецепта «Кровавой Мэри», а из-за этого точно не стоило тащиться за океан.

– Стыдно, – поразмыслив, согласилась Соня. – Но это к делу отношения не имеет. Признаться – кто он? ... Ага, затихла, как нильский крокодил, значит, «он» есть. Чёрт с тобой, тащи и его.

– Какая чепуха. Ещё мужа не хватало в такую жару, – тихо простонала я.

– Ну ты даёшь! Тебе сезонного мужа подавай. – Соня не могла обойтись без укуса, когда речь заходила о моём замужестве.

Повесив трубку, я с досадой устала на собственную физиономию, смутно отражённую в зеркале. Зелёные глаза, продолговатые и меланхоличные, недовольно сморщенный нос, редкие брови. Вообще-то, у меня занятая внешность. Некоторые находят сходство с Барбарой Стрейзанд, некоторые – с Барбарой Брыльской. Что у этих двоих общего, кроме имени? Ничего. Просто обе похожи на меня. Так что я с успехом могу быть и красавицей и уродиной, как сказочная Василиса.

Что касается моего злосчастного замужества...

Пора познакомиться. Меня зовут Ия Малышева. Фамилия обыкновенная, а именем меня наградила бабушка-грузинка, утверждая, что Ия – это фиалка. Так звали её лучшую подругу, умершую в юности. Мне, конечно, жалко ушедшую из жизни тёзку, но лучше бы её звали Анастасией или Еленой, в конце концов, Евгенией. Нет, непременно фиалка – ну прямо букет цветов и много солнца.

Насчёт замужества... Имела «счастье» два раза быть замужем, что и подорвало мою репутацию. Первый раз выскочила замуж в семнадцать лет за двадцатитрёхлетнего амбала с бицепсами Шварцнегера и тремя извилинами в мозгу. Сразу возникает вопрос: если изначально знала о количестве извилин, какого чёрта «выскочила»? Отвечаю: на тот момент мерещились извилины, располагающиеся ниже пояса, чувственно-энергетические гормоны ослепили меня. Притом эти извилины так красиво были упакованы, не то что я, сама Хилари Клинтон бы ошиблась.

Самым невыносимым оказалось его пьянство, когда испарялись и те несчастные извилины. Испепеляя шизоидным взглядом, он надвигался на меня, будто перевёрнутая пирамида, демонстрируя пудовые мышцы. Вспомнить тошно.

Через год расстались. Второй раз вышла замуж в двадцатипятилетнем возрасте. О причине развода рассказывать не буду – больно вспоминать.

«»

Вечером второго дня я при полном параде: причёсанная, надушенная, в элегантном синем платье – стояла на окраине города в ожидании микроавтобуса. Несколько попыток лебединым взмахом оголённой руки остановить микроавтобус потерпели фиаско. Правда, остановился чёрный мерседес с таинственно затемнёнными стёклами, но я не села, кто знает, какой монстр затаился за тёмными окнами мерса. Подфартило трём полуголым девицам – перепрыгивая друг через друга, точно горные серны, они очутились у дверей автомобиля. Повиляв востренькими задницами, барышни, не кривляясь, юркнули в машину.

Наконец, появился долгожданный микроавтобус. На парпризе красовалась жирная надпись «Москва – Огорёво». Закинув ногу на довольно высокую ступеньку, неожиданно почувствовала подзатыльник, не успев сообразить, в чём дело, приподнялась в воздухе и головой ткнулась в бок одуревшего от жары водителя. Моя голубая длинноухая сумка сделала сальто и криво повисла на сидящем в первом ряду юноше. Водитель спохватился и бросился на помощь, я грозно развернулась.

Между узкими рядами продвигалось сиреневое животное невероятных размеров, после тщательного осмотра оно оказалось особью женского пола, похожей на борца сумо.

– Гражданка... – пролепетала я.

Кто на тебя смотрит, кому далась твоя изысканная причёска, или сломанный ноготь, или пылающее от стыда лицо? Женщина, весело подрагивая центнеровой задницей, прошествовала между рядами и плюхнулась на то единственное место, которое предназначалось мне.

– Эээ... ааа... – заблеяла я, словно новорождённый телёнок.

У меня нет ответа на хамство. Единственное, что я могу – это плакать. Каково видеть в битком набитом транспорте рыдающую женщину бальзаковского возраста?

– Иди сюда, сядь со мной, – пожалел меня водитель и сунул миниатюрную табуретку, предназначенную «высоким» гостям.

Что оставалось делать? В настежь распахнутые окна заглядывали заискивающие лица желающих подышать свежим воздухом пригорода. И где они прятались, вроде одна стояла на остановке.

По дороге водитель подобрал ещё нескольких пассажиров, за неимением мест они стояли строем, смотря друг другу в спину, будто папуасы выполняли сложный ритуальный танец. Передо мной качался дряхлый старик, вцепившийся в потолок, как тропический паук. На подъёме старик наклонялся, норовя наскочить на меня своими худыми потными ляжками. В одной руке он держал целлофановый пакет. Подозреваю, что там находился вонючий козий сыр под названием гуда, который делают пастухи в недоступных горах Грузии.

Автобус наконец дополз до Огорёво. В витрине ветхого магазина мельком увидела остатки причёски, съехавший ворот элегантного платья и искажённое от досады лицо – по всей видимости принадлежащее мне. Ещё бы, почти двухметровая женщина полчаса тряслась на крошечной табуретке, каждую минуту одёргивая облегающее платье, ощущая, как колени касаются собственных ушей. Как живой осталась – вот в чём вопрос.

Часы показывали восемь. Конечно, опоздала, кутёж в самом разгаре. К чёрту! Не оставиваясь, достала зеркало – припудрилась, причесалась, опрыскалась духами, и гордо закинув голову, приоткрыла ворота.

Тишина поразила меня, будто в склеп попала.

– Сонька! – выкрикнула в пустоту.

Отозвалась соседняя собака, в кустах раскудаhtалась рыжая курица. Неужели ошиблась адресом? Нет. Вот облезлый кран, вставленный в грязно-белый кафель, лестница, ведущая на открытую веранду... Но почему не слышны голоса гостей, почему не встречает меня вечно весёлая и энергичная Соня?

Осторожно ступила во двор, повертела головой во все стороны и прошла на второй этаж.

Минуту спустя я оказалась в реальном ужастике Альфреда Хичкока. У накрытого стола в неестественных позах развалились трупы моих друзей, в гамаке покачивалась незнакомая мне пара, выпучив белесые глаза. На столе пурпуром отливали стаканы с коктейлем. «Это и есть „Кровавая Мери“»... – подумалось перед тем, как хлопнуться в обморок.

«»

Целую неделю глотала транквилизаторы, прикрываясь сном, как устрица ракушкой. Сон приходил, но какой-то нездоровый – вязкий, зеленовато-серый, как поверхность болота. Я качалась на этой поверхности – ни живая, ни мёртвая. Временами снился сон, но это был не классический сон – с началом и концом, это было продолжение кошмара, героиней которого я оказалась в тот злосчастный летний день...

Снилось, будто я не опоздала на ужин, будто вместе с другими пью отравленный коктейль, вместе с другими умираю... Невесомым телом пригвоздившись к потолку, я наблюдаю за происходящим в каком-то другом измерении. Кто-то горько рыдает, кто-то тихо всхлипывает, только я невозмутима. Моё бледное лицо с потусторонним безразличием всматривается в себя. Наблюдаю и думаю: неужели этот заострённый, направленный в неизвестность нос принадлежит мне или эти стеклянные глаза, без намёка на здравую мысль? У сна имелся свой специфический запах, от него пахло серой и обугленными крышками, вероятно, так пахнет ад.

Процесс пробуждения был хуже.

– Встань, Иечка, на панихиду опаздываем, – сквозь пелену услышала голос моей старшей сестры, Лены.

Стараюсь вырваться из ирреального мира, с трудом продираю глаза.

На краю постели вместо одной сидят несколько Лен, они сидят позади друг друга, копируя движение первой. Вспоминается «Лебединое озеро» Чайковского... В юности я увлеклась балетом, стать прима-балериной помешал высокий рост. Людмила Марковна, преподаватель хореографии, посоветовала маме: «Пока не поздно, пристройте свою дочь-акселератку на баскетбол». Мать чуть инфаркт не хватил, но продемонстрировать свой снобистский лексикон она всё-таки сумела: «Моя дочь... Моя семья... „Щелкунчик“... Григ... „Девятая симфония“...» Не пойму, с какой стати она налегала на балет. Моему росту разве что Шварцнегер подойдёт. Ничего себе пара – я с Арни на сцене Государственного театра оперы и балета. Потанцевать в детском спектакле я успела. Шла первой, за мной шествовали остальные, будто одноликий и многорукий Шива надвигается.

– Ия! – подаёт голос Лена.

На сей раз она без двойников, чинно сидит у постели и с сочувствием смотрит на меня большими чёрными глазами.

– Неудобно, панихида началась.

Чувствуя на плече её тёплую руку, тихо радуюсь. Хорошо, что у меня есть сестра, старшая сестра. Иногда я раздражаю Лену, но куда ей деться от меня? Лена – честный человек, законопослушный, а у жизни свои законы, в большинстве случаев не совпадающие с её представлениями. Тогда Лена теряет и злится.

Пьяной курицей тащусь в ванную, стараюсь привести себя в порядок, потом сажусь в машину и еду на панихиду – на первую, вторую, третью... Боже мой, заплакать бы. Слёзы унесут эмоциональные шлаки. Не получается – хожу с сухими глазами, как чучело.

Не хочу быть обузой, даже родная сестра не обязана ночами напролёт сидеть у моей кровати, тем более дома ждут муж с детьми. Мой зять Виктор будет весь день сидеть с пустым желудком около полного холодильника, ему готовенькое подавай. И сестра носится орлицей, доставляя в клюве переваренную пищу.

Вечером последний раз сглотнула оставшийся омитриптилин, юркнула в постель и приготовилась к завтрашнему пробуждению. Валяться в депрессии слишком большое удовольствие, я должна найти убийцу моих друзей или убийц... Интуиция подсказывает, это дело рук близкого, только близкий человек мог вечером проникнуть в семью Арбатовых, подсыпать толчёный клофелин в бокалы с коктейлями, убить шесть человек и смыться. Шесть человек...

Утром, сварив крепкий кофе, села за стол. В первую очередь написала список.

Убитые:

1. Соня Арбатова.
2. Тимур Арбатов.
3. Гриша Тарасов.
4. Кира Шевченко.
5. Борис Зарубин.
6. Таня Зарубина.

Внизу приписала имена счастличиков, не пришедших на смертельный ужин.

1. Ия Малышева – ваша покорная слуга.
2. Лола Демидова.
3. Никита Соколов.
4. Катя Кучумова.
5. Кирилл Кучумов.
6. Вадик Долинский.
7. Света Долинская.

Начинаю с последних – муж и жена – Вадик и Света Долинские, друзья Тимура. В момент убийства они находились на вокзале. Уезжали в город Сочи. Добраться до Огорёво, подсыпать в стаканы яд и вернуться обратно на вокзал они успели бы только на «Мессершмитте». Чета Долинских вне подозрений.

Вторую пару – Катю и Кирилла Кучумовых – я знаю прекрасно. Они находились дальше Долинских, в Кушадаси – курортном городке Турции, где и поныне отдыхают. Вряд ли они знают вообще об Огорёвской трагедии.

Остаются три подозреваемых – я, Лола и Никита.

Весь тот злосчастный вечер Лола провела дома. У неё сломался передний зуб. Зияя чёрной дырой во рту, закомплексованная Лола не то что в Огорёво, мусор бы не вынесла в собственный подъезд.

Что касается Никиты Соколова (он же Кит, он же Сокол), с семи до восьми он находился на деловой встрече. Этот факт подтверждают весьма компетентные мужи, присутствовавшие на той встрече. Никита собирался приехать в Огарёво, но позднее, о чём предупредил Соню.

Остаюсь я. Но я никого не убивала. Сомневающимся могу познакомить с водителем микроавтобуса и стариком с вонючим сыром, в ногах которого болталась до Огорёво.

Закусив кончик карандаша, оставилась на список. Шесть человек туда, шесть сюда, а мне куда ткнуться, мой дедуктивный поезд застрял в туннеле. Единственное, что знаю наверняка – я не убивала. Моя рука механически вырисовывает въезжающий в туннель поезд.

Скоро прибудет следователь, я готова сотрудничать с правоохранительными органами, но надежда на успех равна нулю. Горячий след преступления успел охладиться, поводов для оптимизма мало.

В три часа раздался звонок. На пороге высился мужик в пыльных туфлях.

Добрый день, майор Шпагин.

У большого майора и голос соответствующий – громоподобный, будто мифологический Зевс вещает на русском языке. На белой сорочке болтается синий галстук, только мазохист может рисоваться галстуком в такое пекло, если хотел произвести впечатление, как минимум должен был почистить туфли. «Настоящий мужик должен быть грозным и слегка неряшливым», – сказала бы Соня. Я тоже не люблю стерильных мужчин, но грязная обувь раздражает. Зато глаза у майора красивые – большие, тёмные, с длинными ослиными ресницами.

– Я обращался к вам две недели назад, но тщетно... – начал он.

С трудом вспоминаю тогдашний ажиотаж: полиция, прокуратура, соседи, родственники, крик, плач, брезентовые носилки. Какой-то толстый майор тоже околачивался. Но этот не толстый, этот здоровый, как саванский носорог.

– Заходите, – приглашаю в дом здорового майора.

Тот неуклюже втискивается в мою маленькую квартиру.

– Садитесь, – указываю на кожаную тройку.

Тройка у меня немецкого происхождения, приобретённая в магазине уценённых товаров. 800 долларов отгрохала, но осталась весьма довольна. Большое дело, если какой-то Фриц тёрся задницей о натуральную кожу моего дивана, ведь покупают подержанные машины? А я купила мебель. Вот носить подержанные вещи не могу, говорят, что одежда впитывает ауру прежнего владельца. Не исключено, что у мебели тоже своя аура, но я вроде ничего плохого не чувствую.

– Ваше имя, майор? – спрашиваю и жду, когда он скажет что-то типа Илья Муромец.

– Сергей, – майор смиренно произносит своё заурядное имя.

– С чего начнём, Сергей?

– Когда в последний раз видели Сильвию?

– Какую ещё Сильвию?

– Арбатову Сильвию Владимировну, – углубился в папку майор.

– Ааа, Соньку? – вспомнила официальное имя Сони.

В школьном журнале тоже была зафиксирована Сильвия. Им наградил Соньку влюблённый в итальянскую актрису отец. Из-за выходки отца Соня злилась на всю Италию, а конкретно на незнакомую Сильвию, оказавшую ей медвежью услугу.

– Как вам будет удобно, – снизошёл Сергей.

– Накануне убийства она звонила и пригласила на ужин.

– До этого не встречались?

– В Америке ведь находилась?!

– Не знаю, не знаю... – в нос бубнит майор. – Однако ваши друзья успели встретиться друг с другом, например, Кира Шевченко за неделю до смерти находилась на даче у Сони Арбатовой.

Что значит «находилась»? Почему не позвали меня? Мою многострадальную душу царапает паук ревности. Соня находилась в Москве и не позвонила мне, самой близкой подруге? Этот носорог должен сообщать время и место встречи моих друзей? «Не стоит злиться, – одёрнула себя, – кто знает, по какому поводу Кире понадобился практицизм Соньки, тем более она намекала на какие-то невероятные сплетни». Ясно, меня посчитали некомпетентным человеком, а я умная, особенно в чужих делах.

– Ия, расскажите о своих друзьях.

– О живых или мёртвых?

– Начинайте с мёртвых, – Сергей с нежностью взирает на меня.

К своему удивлению, я раскрываю рот и начинаю вспоминать...

Соня Арбатова появилась на свет тридцать два года назад. Ия и Соня знакомы с первого класса, если спросить Соню, то с родильного дома. Родились они в один и тот же день в одном

и том же роддоме. Ия была патологически стеснительна, Соня наоборот – слишком активна и общительна. Противоположность сближает людей – и они подружились.

Где-то в восьмом классе Ия начала расти и вскоре переросла всех учеников класса. «Эта девчонка удобрениями питается?» – недоумевали учителя. Ия стеснялась своего роста и гнулась в три погибели. Она возвышалась над всеми, как баобаб среди карликовых кактусов. Кроме разного роста, у друзей были разные таланты. Ие давались гуманитарные предметы, Соне – математические. На контрольных были неразлучны – помогали друг другу.

После окончания школы Ия поступила в институт иностранных языков, Соня – в технический вуз, где и познакомилась с будущим мужем, талантливым программистом Тимуром Арбатовым. Родила дочь Кристину, которую воспитывают родители Тимура, живущие в Орехово-Зуево.

Григорий Тарасов, он же Гриша, родом из Сочи, семья переехала в Москву, когда Грише исполнилось пятнадцать лет. Юный Гриша смотрел на жизнь большими романтическими глазами, глотал приключенческие романы, мечтал о собственной яхте и красавице жене. После окончания школы все ринулись сдавать экзамены в высшие учебные заведения, а Гришу потянуло к морю. Собрав манатки, он укатил в родной город – поступать в мореходное училище.

До трагического случая Гриша работал помощником капитана, но друзья его звали капитаном, ведь до капитанского звания рукой подать.

Что касается семейного положения Гриши, то он разведённый. Причина развода неизвестна. Злые языки говорят, жена его оставила, если так, то она круглая дура, муж-мореход – мечта слабой половины человечества. Представьте, полгода не стирать и не гладить мужские брюки. Видимо, жену Гриши, Любу, не устроил такой расклад – или очень скучала по дражайшей половине, или так отвыкала, что не выдерживала шестимесячного отсутствия. Развод с женой плохо отразился на Грише, с друзьями на эту тему не говорил, но начал попивать. Неотлучно держал в кармане кителя металлическую фляжку, делая маленькие глоточки. Без памяти пьяным его никто не видел, но в лёгком кайфе находился постоянно. Жил он в однокомнатной квартире на улице Партизанов.

Кира Шевченко была самой видной девушкой в классе. Каштановые кудри египетским париком красовались на маленькой головке, полные губы и низкий голос с лёгкой хрипотцой делали её настоящей секс-бомбой. А как она пела романсы... В Киру были влюблены все парни, включая учителя физкультуры – длинного Валеру. Смена фаворитов Киры (Гриша Тарасов сменил Никиту Соколова) сопровождалась шекспировскими страстями.

Кира походила на играющую с мышками кошку, которая в предвкушении вкусного обеда ставит мини-спектакль – для себя любимой и для окружающих. Ей доставлял мазохистское удовольствие ажиотаж вокруг себя, на что и намекнула ей прямолинейная Соня. Кира обиделась, целую неделю ходила с носом, но потом помирилась, куда ей деваться без публики. С такими данными ей бы в артисты податься, но Кира выбрала профессию психолога.

Странный треугольник развалился, когда неожиданно женился Никита. Это произошло сразу после окончания школы. Кира тоже не засиделась в девках – вскоре и она осчастливила одного старого идиота, Вову Шевченко. Не отстал и Гриша Тарасов, хотя он женился гораздо позже.

– Чету Зарубиных я не знаю, они были друзьями Тимура, – пояснила я, закончив рассказ.
– А живые? – поинтересовался Сергей.

Что касается живых...

Никита Соколов – душа общества, любитель политических анекдотов и спорта. Раньше занимался игрой в регби. Ия, Соня, Гришка и Кира частенько пропадали на тренировках, там же состоялось знакомства Ии с будущим (ныне бывшим) мужем, с накачанным амбалом по имени Жорик, которому так же подходило сие ласкательное имя, как Путину – папаху джи-

гита. Оказывается, в глухой провинции Индии детям при рождении не дают имена, мудрые индийцы ждут, что вырастет из кричащего куска лилового мяса, а потом размышляют над именем. Если бы мамаша Жорика подождала, назвала бы своего детину Кинг-Конгом, разве не смешно именовать Жориком грудку бицепсов с тремя извилинами? После развода Ия дала себе слово – никогда не выходить замуж за спортсмена. Дала – но не сдержала. Её второй муж был без ума от восточных единоборств. Если суждено рискнуть ещё разок, мужем ей представлялся профессор-очкарик астенического телосложения.

На сегодняшний день Никита – отец трёх детей. Соня твердила, что двух младших Ира родила ради сохранения брака. У Никиты есть интрижки на стороне, что никого не удивляет – при наличии такой назойливой жены, как Ира, любой нормальный мужик обзавёлся бы гаремом.

Следуя примеру большинства спортсменов, Никита подался в силовые структуры. Работал в полицейском управлении, в прокуратуре, потом осчастливил министерство юстиции. Ему тридцать два, но выглядит старше. Крупного телосложения, с бычьей шеей, настоящий Ахилл, только без уязвимой пятки. Слегка растолстев, стал похож на Марлона Брандо. От Ии Никите скрывать нечего, она его как облупленного знает, если что-то не нравится, говорит прямо, без обиняков. Никита не такой богатый, как Билл Гейтс, но для чиновника среднего полёта у него есть всё: мерседес, армия любовниц, семья. Ира, хронически недовольная бабёнка с алой помадой на капризных губах, бесконечно ноет о нехватке денег, незнакомый человек подумает, что семья живёт от зарплаты до зарплаты. Это особенная врождённая фобия, не подлежащая лечению. Когда Никита приглашает в ресторан старых друзей, Ира изводится на мыло, но Киту наплевать на её мнение.

Лола Демидова на три года старше Ии. Незамужняя. Владеет собственным магазином-салонем, продаёт цветы. Салон находится на первом этаже восьмизэтажки. Чтобы попасть на работу, Лоле надо только вызвать лифт. Кроме вышеупомянутых благ, Лола имеет чёрного пуделя Адама и рыжую кошку Баби. Лола без ума от животных. Однажды, отдыхая в горах, собралась за грибами и у высокой сосны обнаружила желтоглазое пушистое существо. Позабыв обо всём на свете (в том числе грибы), она положила так называемого котёнка в корзину и, окрылённая, спустилась в долину.

Проходит месяц-другой, котёнок растёт не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. Лола потащила любимца к ветеринару. «Это рысь», – сухо констатировал ветеринар и посоветовал сдать дикое животное в ближайший зоопарк.

Бедная Лола! Сколько она плакала...

Прошёл ещё месяц, но чудеса не произошло, рысь набирала вес, отращивала когти, а глаза горели каким-то особенным диким светом. Глотая горькие слёзы, Лола сдала в зоопарк своего питомца, ощущая, что расстаётся с собственным ребёнком.

Образовавшуюся пустоту ей заполнили Адам и Баби... и ещё кое-кто, о существовании кого ещё год назад подозревала любопытная Соня. Если верить Сониным сплетням, «кое-кто» – субъект женатый, отец двоих детей и обладатель белой хонды.

Это всё, что я смогла вспомнить про моих друзей, мёртвых и живых...

– Кофе будете? – спрашиваю обескураженного моей откровенностью майора.

Он кивает в знак согласия.

Я удаляюсь на кухню, насыпаю в джезву две ложки кофе и ставлю на плиту. Сергея застала склонившимся над моим списком.

– Что это? – тыкает пальцем в один из вагонов и искоса смотрит, будто упрекает в чём-то.

– Поезд.

– Куда он едет?

– Пока никуда... Застрял в туннеле, как мы с вами.

– Дааа... – вздыхает майор и переводит взгляд на фотографию, где изображена я с Микой. – Это ваш сын?

Я отрицательно покачала головой. Мика – мой племянник, на фотографии ему четыре годика, и он очень похож на зеленоглазого херувимчика. Соответственно, я на десяток лет моложе. Мне нравится эта фотография, там у меня короткая чёлка и красивые зубы. Зубы у меня и по сей день хорошие, до того ровные, что бывшая свекровь, мать Жорика, приняла их за протез и сплетни разводила, мол, беззубая моему мальчику жена досталась. Узнав столь страшную клевету, я с трудом удержалась от показательного выступления – так захотелось продемонстрировать хватку натуральных зубов.

– Благодарствую. – Майор пригубил кофе и присел на край дивана.

Ненавижу театральные реплики, будто вместо ароматного кофе украинское сало преподнесла.

– А что говорит следствие?

– Есть кое-какая информация, – важно произнёс майор. – Не такие уж беспроблемные у вас друзья, госпожа Ия.

– Не поняла...

– Или они кривили душой перед вами, или им было что скрывать.

Паук ревности оживился и с удвоенной силой схватил за горло:

– Например?

– Например, против Григория Тарасова было возбуждено дело в прокуратуре города Москвы.

– По какой причине?

– Незаконное ношение оружия. Дело удалось закрыть по ходатайству Никиты Соколова.

– Мужчины своё дело знают.

– И про Киру Шевченко не вся правда, – вылизывая кофейную гущу, продолжает майор.

Не такой уж он наивный ослик, как показалось с первого взгляда, наивные люди так не смотрят.

– Что с Кирой?

– С мужем были неприятности. Дело шло к разводу.

– Как к разводу? – чувствую, как лезут на лоб мои бедные брови. – Какому разводу?

– Обыкновенному. До несчастного случая они жили в одном доме, но в разных комнатах,

Кира не любила мужа, более того – ненавидела.

– Первый раз слышу, – тихо бормочу я.

Конечно, он прав, этот наглый майор, но мне трудно признать – Кира не любила мужа, но чтобы ненавидела...

– Кто вам сказал такую чушь? – спросила на всякий случай.

– Почтальон Печкин, – решил пошутить майор и взялся за свою папку. – Спасибо за кофе, вот моя визитка, если что – звоните, – протянул визитку и был таков.

Что за намёки, «если что», я никого не боюсь.

С балкона наблюдаю, как майор садится в ниву ирисового цвета. Неожиданно закружилась голова, вцепившись в перила, разинула рот, как выброшенная на берег рыба. Если немедленно не проветрюсь – потеряю сознание или умру.

Решила прогуляться к Лоле, хоть поболтаем.

До дома Лолы всего две-три остановки. С трудом уворачиваюсь от устрашающе сигнализирующих машин и перехожу улицу.

В Лолином подъезде прохладно, у лифта стоит белобрысый великан с загадочной улыбкой на розовой физиономии. Или иностранец, или ненормальный. Немного поразмыслив, остановилась на втором варианте. Чёрт знает, что взбредёт в голову здоровому мужику с нездо-

ровой улыбкой. При попытке изнасилования заору на весь крещёный мир, в конце концов, пну каблуком между ног... Не пешком же переть на седьмой этаж?!

Дряхлый лифт наконец прибыл, встряхнулся, задумался и показал свои нехитрые внутренности.

– Please, – незнакомец пригласил в кабину.

– Thank you very much, – отвечаю. Всё-таки иностранец, интуиция не подвела меня.

– Этот лифт едет только на шестой этаж, – с виноватой улыбкой сообщает иностранец.

Сказать честно, меня восторгает их отношение к жизни. Они счастливы в любой ситуации... почти в любой. На днях по телевидению показывали документальные кадры о наводнении в одной из английских провинций. Сидящая на руках спасателей древняя старушка мирно помахивала рукой и улыбалась в камеру. Вокруг плавали остатки её мебели: вот показалось перевернутое кресло, диван проплыл, как гигантская рыбина, живописно торчала ножка стула. Вместо того чтобы рвать на себе волосы, орать во всё горло, брызжа слюной, она смеётся, ей приятно попасть в камеру, приятно, что жива осталась, а остальное – фигня, гроша ломаного не стоит.

Лифт с грохотом понёсся вверх, притормозив на шестом этаже. Незнакомец прошёл вперёд, я последовала на почётном расстоянии. Воспитанный человек знает – преодолевая лестничные ступеньки, нельзя пропускать женщину вперёд, дабы чуткий нос воспитанного человека не оказался у филейной части женщины. Иностранец одет в голубые джинсы, из заднего кармана высовывается треугольник дорогого портмоне. Одно верное движение руки – и обчистят доверчивого иностранца. Не ведает, куда приехал, в нашей стране не то что портмоне, зубной протез сопрут, использованный презерватив подберут, авось ещё пригодится.

На седьмом этаже незнакомец останавливается у двери Лолы. Звонит. В недоумении толкаюсь на площадке между седьмым и шестым этажами. Мысль о том, что этот молодой человек направляется к Лоле, даже в голову не приходила.

Из открытой двери слышится весёлый лай Адама, обоюдное «Дарлинг», и мужик вваливается в квартиру Лолы.

Ноги подняли меня на этаж выше, рука сама собой потянулась к звонку, но минуту спустя опустилась, как обрубленная. Там, в узком проходе коридора, происходило нечто из ряда вон выходящее – слышались приглушённые звуки, тихие смешки, стоны и другие специфические звуки, сопровождающие любовные игры.

Интересно, как относится к происходящему Адам? Что-то не слышу его ободряющего лая.

Стою на площадке, вцепившись в сумку холодными пальцами, но когда дверь начала дрожать, грозя сорваться с петель, я вышла из транса и сломя голову пустилась вниз.

У Лолы любовник! Иностранец!!! Слышишь, Сонь, что творится на белом свете? Неужели не слышишь, ты, которая так любила посплетничать?! Но это не сплетя, Сонь... Это горькая правда! Никакой белой хонды нет в помине, есть розовый иностранец, который, которому, которым...

Стою на остановке и реву, как заблудившийся в мегаполисе деревенский ребёнок.

Люди смотрят с состраданием, потом с настороженностью, переходящей в нездоровый интерес.

У ног притормозило ярко-лимонное такси.

– Подвезите до кладбища, пожалуйста, – бросила шофёру, усевшись на заднее сидение.

Шофёр, увидев в зеркале мою заплаканную физиономию, понимающе вздохнул, подумав, что, вероятно, муж обидел или того же мужа застукала с любовницей. И что на меня нашло, у Лолы наконец мужик появился... Неужели завидую?

Выудив из сумки бумажную салфетку, громко высморкалась. Шофёр уже не смотрит с сочувствием, в его глазах читается разочарование.

Примерно в восемь прибыла на кладбище. Отпустила такси, пешком двинулась по тропинке. Солнце ещё не село, лаская слабыми лучами могилы. Я не боюсь темноты, главное – вовремя найти могилу Сони. Хочу отметить, уровень моей ориентации колеблется от нуля до минус бесконечности. Ничего, как-нибудь доберусь, сегодня я должна поговорить с Соней, чего бы мне это ни стоило. Я должна сказать, что очень, очень соскучилась по ней, что, несмотря на всё, жизнь продолжается, что земля вертится вокруг своей оси, люди смеются и веселятся, что в могилу никто не торопится, что сегодня у меня был следователь, назвавший её Сильвией...

Остановилась. Оглянулась. Кругом могилы. Нет, мне абсолютно не знаком этот пейзаж. Повернула назад. Издали послышались голоса женщин, это, вероятно, здешний персонал, ухаживают за могилами, цветы поливают, свечи продают. Или даже едят вместе. Едят и сплетничают. Я тоже пришла посплетничать, но...

Вдруг услышала странный щелчок. От страха похолодели плечи. Словно волк, поворачиваю онемевшую шею и буквально в двух шагах вижу силуэт мужчины, мирно прикуривающего сигарету.

Нечего пугаться, обыкновенный скорбящий, пришедший на могилу близкого. С облегчением вздохнула, видно, слишком громко, мужчина повернул голову, на миг остановил мрачный взгляд на моём растерянном лице и отвернулся. На фоне заходящего солнца он был похож на римского императора Августа. Точно такую скульптуру видела в национальном музее Неаполя, только тот мужик был в тоге, а на этом голубая рубашка и чёрные брюки.

Прошла ещё немного. Заходящее солнце уже машет усталыми лучами, я не на шутку забеспокоилась. Где могила моих друзей? Поворачиваю назад, колени царапает невесть откуда взявшийся репей. Решив посетить кладбище на ночь глядя, надо знать местонахождение нужной могилы... Или дерево запомнить, или куст, или чей-то бюст... Вот их сколько, претендентов на вечность, особенно мужчин – с грозным выражением, выпученными глазами, сомкнутыми губами... Можно подумать, в жизни не смеялись.

Озарение пришло молниеносно, я вспомнила мраморную скульптуру ангела на длинной стеле. Две недели назад, провожая в последний путь моих друзей, обратила внимание на наивную выдумку художника, подумав, что там могила ребёнка.

Не помню, эту стелу прошла или она ждёт меня впереди? Если прошла, какой смысл двигаться вперёд?

Шагами фламинго возвращаюсь назад и натываюсь на знакомого мужчину.

– Извините, пожалуйста, у меня один вопрос...

Качает головой, как настоящий император. У него коротко стриженные, чуть выющиеся волосы, длинноватый нос, высокие скулы...

– Не подскажете, где здесь стела с ангелом?

Мужчина молчит, точно ненормальной считает, неудивительно, хожу туда-сюда, как лисица в клетке.

– Могилу потеряла, точнее, не могу найти, – стараюсь объяснить как можно подробнее. – Она была возле стелы... Стела с мраморным ангелом... С крыльями...

– Знаю, – прерывает незнакомец, указывая удлинённым подбородком на запад, туда, где последний танец исполняет полукруг гранатового солнца. – Несколько метров пройдёте и увидите вашу стелу.

– Спасибо, – фальшиво улыбаясь, двигаюсь назад уже проторенным путём.

Почему, интересно, эта стела моя? Здесь ничего нет моего, кроме воздуха... Если буду бегать взад-вперёд, то и воздуха не хватит. Слышишь, Сонька, я сдохну на кладбище в поисках твоей могилы...

Наконец, показалась стела. Выдохнув с облегчением, потрусилась вперёд, до наступления сумерек должна успеть. Раз-два, раз-два... Налево, направо, дальше... Дальше я устала

на до боли знакомые спины мужчины и женщины. Они сидели на бетонном парапете свежезакопанной могилы и мирно беседовали.

Я бы не удивилась, если бы на могиле Сони увидела Никиту, или Лолу, или Катю с Кириллом, но только не Иру Соколову с Вовой Шевченко. Что надо на могиле Сони и Тимура мужу покойной Киры Шевченко? Или Ира какого чёрта припёрлась? Откуда взялся этот странный тандем? Взаимоисключающие версии затягивают меня в водоворот безумия.

Внезапно они повернулись, может, я испугалась собственных мыслей и нечаянно вздохнула или они почувствовали флюиды страха... Говорят, и такое случается...

– Иа, ты? – крикнула Ира и каким-то неестественным движением протянула к сумке руку.

Не уверена, что она потянулась за пистолетом, но раз уж мысль возникла, надо прислушаться. Бегу не чуя ног. Перескакиваю через затенённые могилы, налетаю на что-то колючее и не думаю останавливаться, продолжаю безумный марафон. Сзади слышу возгласы:

– Ия, остановись, куда мчишься? Ия, Ия...

Со скоростью метеора пролетаю мимо стоящего императора. Представляю, что он подумает, увидев прыгающую между могилами женщину-кенгуру. Попрыгав по инерции ещё чуть-чуть, притормозила.

– Что вас так напугало? – добрый император уже спешит ко мне.

– Помогите, пожалуйста, за мной гонятся... – чувствую, последние силы покидают меня, ещё немного – и рухну на колени перед случайным прохожим. А может, он вовсе и не случайный, может, мне его бог послал?..

– Не бойтесь, я помогу.

– У них оружие, они хотят меня убить.

– Кто? – в недоумении спрашивает он и смотрит в направлении моей дрожащей руки.

– Это длинная история.

– Пошли, – схватив меня за кисть руки, он зашагал к месту, где минуту назад предавался своим мрачным думам.

Мы остановились у оригинальной могилы, обрамлённой чёрным лабрадором. За оградой – две каменные клумбы с розовыми азаниями.

– Прячьтесь за клумбу.

Я повинуюсь, стараясь не дышать.

Мужчина садится напротив. Из укрытия вижу тупые носки его чёрных туфель, такие туфли носят люди с классическим вкусом, перевожу взгляд на хорошо отутюженные брюки, прихожу к выводу – у этого джентльмена идеальная жена. Даже под угрозой смерти не смогу так тщательно погладить. Поворачиваю голову и вижу эпитафию: МАРИНА – выведено на стене. Ниже год рождения и год смерти. Бедняжка скончалась в тридцать три года...

– Извините, пожалуйста, молодую женщину не видели? – слышу mezzo-сопрано Иры.

– Пять минут назад кто-то промчался, может, и женщина, – смело соврал незнакомец и заложил ногу за ногу.

– Не женщина, а настоящая фурия! – говорит Ира. – Нет, всё-таки куда помчалась?

– Всегда чокнутая была, – констатировал Вова.

Чокнутая?! Да как он смеет, этот короткопалый динозавр, это животное! Броситься бы с кулаками на противных клеветников, но у них оружие, и меня убьют, и императора в придачу. Прикусив кулак, затихаю.

– Вылезайте, – слышу через пять минут.

– Если вернутся?

– Вернутся – встретим, – протягивает руку. Рука у него сухая, сильная, мужественная.

Я опираюсь на сильную мужскую десницу и поднимаюсь, ощущая себя героиней американского вестерна. Ещё я ощущаю, что на мне нет одной туфли, видно, где-то потеряла. Сгорая от стыда, ковыряю землю носком туфли. Земля здесь чёрная и рыхлая, специально посыпанная

для украшения. Мне приятно стоять на прохладной земле, но здесь чужая могила, подогнув ногу, словно цапля, перехожу на асфальтированную дорожку.

– Стойте там, а то простудитесь, – мужчина входит в моё положение. – Пойду поищу вашу туфлю, – не дожидаясь ответа, он удаляется к центральному выходу.

– А если вернуться? – шёпотом повторяю вопрос.

– Дам знак свистом, вот так, – засунув два пальца в рот, он просвистел знакомую мелодию из фильма «Мимино». Зубы у него трапециобразные, с лёгким никотиновым налётом.

С улыбкой присаживаюсь на парапет могилы. Интересно, чему радуюсь... Извини меня, незнакомая Марина, я босоногая сижу на твоей могиле и, несмотря на всё, радуюсь жизни. Радостно, что в тот день опоздала на ужин, рада, что и сегодня спаслась, рада, что у тебя замечательный муж. Этот симпатичный мужчина с профилем Августа, вероятно, твой муж.

Услышав шаги, поворачиваю голову. Мужчина отрицательно машет рукой, не нашёл... Неудивительно, темно уже.

– Жена? – осторожно притрагиваюсь к зеркальной поверхности парапета.

Молча качает головой, доставая из кармана пачку сигарет. Предлагает. Я редко курю, но сейчас покурю за компанию.

– Расскажите, какие там у вас проблемы.

Он хмурый и добрый, как настоящий спаситель. Вблизи заметен возраст, тридцать семь, не более. Две глубокие морщины у губ, будто ножом провели.

На одном дыхании начинаю рассказывать – про моих друзей, про мои страхи и переживания, даже про нынешнюю радость не забываю. Сама не знаю, с какой стати разоткровенничалась, первый раз вижу человека. А может, именно поэтому?

– Я слышал про это убийство, две недели назад вся Москва говорила, – стряхивая пепел с сигареты, он смотрит на меня. – Выходит, случайно спаслись.

– Выходит, так.

– И сегодня случайно пришли на кладбище?

– Да.

– Откуда взяли, что эти люди, Ира и Вова, хотели убить вас?

– Если они виновны в смерти моих друзей, не исключено, меня убить хотели. Где найти лучшее место? – обзревая пейзаж, по коже пробежали мурашки. – Рано или поздно они и до меня доберутся.

– Может, преувеличиваете?

– Может, и так, не могу объяснить, что на меня нашло. Это был страх.

– У страха глаза велики.

– И крошечное сердце, – отвечаю с сожалением. – Смерть тоже можно встретить с достоинством. Соня умерла бы со смеху, увидев меня прыгающей между могилами. Обожала курьёзные ситуации.

– Ваша подруга всё видит, по крайней мере сорок дней.

– Интересно, мою потерянную туфлю она тоже видит?

– Наверное. Хотите, провожу до могилы ваших друзей?

– Хочу, но неудобно просить, – честно призналась я.

– Не беспокойтесь, и до дома провожу, я на машине. Давайте руку.

Я готова отдать и сердце, но на данный момент он просит только руку. С готовностью поднимаюсь. Мужчина со сдержанной улыбкой смотрит на мою босую ступню, достаёт из кармана аккуратно сложенный платок и протягивает мне:

– Может, завернёте?

– Совсем не холодно.

– Еще осколком поранитесь...

– Спасибо.

Ставлю ногу на дорогой тёмно-зелёный платок, после такого непочтительного отношения он станет негодным. Ну и пусть, есть ситуации, когда излишняя скромность ставит человека в невыгодную позицию, я не хочу быть в проигрыше, я должна принимать все как должное. Смело завязываю узелок.

– Похоже на римские сандалии, – говорит он.

Хочу сказать про императора Августа, но нет, ещё подумает – кокетничаю, тем более что так и есть.

Осторожно двигаемся к могилам Сони и Тимура. Впереди я, сзади он. Моя дорогая Соня, ещё один повод для смеха. Помнишь, ты спросила наименование кладбища, где обитают кандидаты в мужья? Тогда мы смеялись, не подозревая, что спустя две недели я буду искать твою могилу в сопровождении незнакомца. Разве не смешно? Проснись, Сонька, хоть на день, на час, на минуту...

Прибыли. Две одинокие горки, куча высушенных цветов и тишина, точнее покой.

Что делать, как помочь, как вернуть? Что могу я?! Даже слёзы высохли, по дороге потеряла предназначенные тебе слёзы, вроде и рассказать нечего. Прости, Соня.

Тихо идём назад, прошли мимо тянущегося к небесам ангела, мимо могилы неизвестной мне Марины и вышли на маленькую площадку. Внизу ночная Москва, она похожа на гигантскую летающую тарелку, на поверхности которой мигают разноцветные лампочки.

«»

Прибыв домой, заперла дверь на всевозможные замки, сбросила потную одежду и влетела в ванную.

Люблю горячий душ, наверное, потому что анемичная, зимой и летом ноги мёрзнут. Врач посоветовал принимать еду, содержащую железо, например яблоко, особенно того сорта, которое ржавеет на месте укуса. Я люблю яблоки, только если кто-то мне их порежет и преподнесёт, такой человек существует в природе, и это моя мама. Пока мама жила в Москве, я питалась полезными фруктами, а теперь лень ухаживать за собой. Кстати о еде, не мешает перекусить, с утра голодная.

В холодильнике обнаружила остаток вчерашней курицы, огурцы, помидоры, сметану. Сделаю лёгкий ужин, потикаю телевизионным пультом и усну без всякого снотворного. Только вооружилась ножом, как послышался звонок в дверь. Кого принесло на ночь глядя? Конечно, убийцу! Прихватив нож, походкой пьяного викинга двинулась к двери.

На пороге стояли Ира с Никитой. Только их не хватало для полного счастья.

– Ика, открой, знаем, ты дома, – Никитин медовый глаз золотится в глазке.

– Сплю, – сонным голосом фальшивлю я.

– Ия, открой, что ты ребячишься, в самом деле! – пищит Ира.

Осторожно кладу нож и предстаю на всеобщее обозрение.

– И не стыдно тебе? – Ира, словно библейская змея, вешается на шею. В нос бьёт запах «Эмпирио Армани», не женщина, а настоящий салон парфюмерии. Маскируюсь духами, стараюсь скрыть свою настоящую суть. Не выйдет, дорогуша, сама слышала, как фурией обзывала.

– Ика?! – целует в щёку Никита и медвежьей походкой заходит в дом, придерживая одной рукой красивую коробочку. Другой рукой потирает спину и тихо постанывает. У Кита болячка почти всех спортсменов – травма позвоночника. При плохой погоде травма даёт о себе знать, сегодня хорошая погода, но завтра, вероятно, пойдёт дождь. Кит – ходячий прогноз погоды.

– Признайся, какого чёрта умчалась, застукав меня с Вовой, что увидела такого подозрительного? – как ни в чём не бывало хихикает Ира. – Чего молчишь, язык проглотила?

Язык на месте, тщетно стараюсь проглотить оскорбление. С другой стороны, не уверена, оружие она доставала из той проклятой сумки или всё-таки платок. Судя по логике, платок. Начнём с того, что в тот день меня там никто не ждал, да и сама я не рассчитывала оказаться

на кладбище. Это элементарное совпадение, такое случается в природе. Мой знакомый астролог нашёл бы объяснение при помощи звёзд. Не верится, что жена Кита, мать троих детей, носит в сумочке оружие. Но как усыпить интуицию, которая подсказывает неладное, правда, не могу сказать, что именно. Нехорошая мысль дремлет где-то в подсознании, но выразить словами не в состоянии. Людям свойственно оформлять мысль в слова, иногда это приводит к абсурду.

Наконец, Ира замолкает. Смотрю на неё и удивляюсь. Неужели Никита на самом деле любит эту упаковку? В молодости Ира мечтала об оперной карьере. Не вышло, или голос несоответствующий, или фактор мужа помешал. В доме у Соколовых роскошный рояль, в праздники Ира на нём завывает душераздирающие песни. Но её песни не доходят до слушателя, слух вроде и неплохой, но души нет. А песня без души – не песня, а вой одинокого крокодила.

– Возьми торт и угости нас чаем, – Никита протягивает коробку и плюхается в моё кресло.

Ира следует за мной на кухню, я освобождаю торт от упаковки и ленточек.

– Торт фирменный, совсем свежий.

– Если и на вкус так хорош...

Не могу закончить фразу, глаза наполняют слёзы. Чёрт! Две недели не могу слезу выдать, а сегодня так некстати раскисла. «Это невроз! – воскликнула бы Соня. – Мужик тебе нужен, мужик». Сонька любые женские сантименты объясняла отсутствием мужчины.

– Слушай, Ия, – с сочувствием шепчет Ира, – то, что мы в живых остались, не повод подозревать друг друга. Нечего удивляться, что мне захотелось проведать могилу Сони с Тимуром, и не моя вина, что там оказался Вова. Ведь и ты там оказалась случайно? Или у тебя эксклюзивное право навещать их могилы? Завтра собираюсь на могилу Киры, послезавтра Гришу навещу... Хочешь, вместе пойдём?

Я киваю в знак согласия, зная наверняка, что на такую экскурсию компаньонов искать не буду.

– Чай пить не будем? – Никита, покачиваясь, заходит в кухню, наклоняется к столу и нюхает торт. – Прелесть! – улыбается ободряюще, как в детстве, но глаза выдают его.

У тоски нет формы и цвета. Чужую тоску ощущаешь только в том случае, если человек тебе близок. Я знакома с Китом с первого класса и люблю его. Как сегодня помню то сентябрьское утро, когда учительница посадила ко мне крепенького карапуза. У Никиты есть порок – он страшный трепач. Ну и что? Меня не раздражает. Мужчины любят трепаться, особенно если их жёны не хвалят.

– Ира, нарежь торт, а я себе салат сделаю, с утра голодная. Можете составить мне компанию.

– Нет-нет, – отвечает за двоих Ира. – Мы не голодны, ты ешь, не стесняйся, я и чай приготовлю, и торт нарежу.

Ира – прекрасная хозяйка, можно сказать, она королева мучных изделий. В молодости часто приглашала друзей мужа на знаменитый клубничный торт. «Зря ревнует Ирка, такую хозяйку муж никогда не бросит, – шептала на ухо Соня и с удовольствием глотала шишкообразное безе. – А ты почему не ешь, на подиум собираешься?» – язвила в моём направлении.

Между прочим, такая мысль имела основание. Три года назад за мной серьёзно охотился один назойливый продюсер из модельного агентства, рассыпая дифирамбы насчёт моего роста, красоты и манеры двигаться. Я не восприняла этого типа серьёзно. За женщинами моего возраста на улице гоняются только маньяки. Придя домой, я включила телевизор и вдруг наткнулась на этого продюсера, вышагивающего по подиуму между длинноногими красавицами. Я чуть не поперхнулась, ощущая себя полной идиоткой.

– Что с тобой, Ика? – на плече чувствую тяжёлую руку Никиты. – Тебе нельзя оставаться одной, погости на время у матери.

– В Тбилиси уехать предлагаешь?

– Почему именно в Тбилиси, можно и в Батуми съездить, «там лимоны, апельсины, красное вино, там усадебные грузины ждут давным-давно...»

– Не усадебные, а богатые, – поправила Ира нехотя развеселившегося мужа.

– Богатые грузины отдыхают за границей, а в Батуми околачивается гололопый молодец, – отрезала я.

– Я о тебе пекусь, скоро каникулы кончатся, а ты вся на нервах, – Никита погладил мои вихляющие волосы.

– Брось, Кит, не до отдыха мне...

– Следователь был у тебя?

– Да, – вилоккой ковыряю в тарелке, весь аппетит пропал.

– И что?

– Ничего, абсолютно ничего, – взрываюсь я. – Даже версии нет, Кит, ни одной версии, ни одной зацепки! Представления не имеют, убийца один действовал или были у него напарники, хотели убить всех присутствующих или из-за одного человека устроили бойню. Прошло две недели – и ни одного подозреваемого! Какому-то негодяю должно сойти с рук убийство наших друзей, – со злобностью бросаю вилокку.

Не хочу ни помидоры, ни огурцы, ни этот фирменный торт. Я хочу правды!

– Не допускаю мысли, что злодейство совершил приближённый к нам человек, – Ира разливает чай по стаканам. – Так можно и с ума сойти, друг друга стали подозревать. Вчера в мой дом залезли, завтра к тебе...

– Как залезли, кто залез?

– Если бы знали, кто... – вздыхает Ира. – Ооо, такой переполох был, милицию вызывали.

– Не понимаю, вас обокрали?

– Можно сказать, да.

– Объясните, пожалуйста.

– Суди сама, украли золотой браслет, цена которого не больше ста долларов, браслет принадлежал Полине, тётя подарила ей на день рождения. В доме имеются и другие ценные вещи, но почему-то ворами они не пришлись по вкусу.

– А может, браслет сама Полина потеряла и сейчас стыдно признаться? – вставляет Никита. – Думаешь мне, они что-то искали.

– Например? – одновременно удивились мы с Ирой.

– Представления не имею.

– Кого-то подозреваешь?

Никита отхлёбывает чай и смотрит в окно. На стене вздрагивает его огромная тень с крючковатым носом. Анфас он похож на Марлона Брандо, в профиль – на какаду.

– Про Вову что скажешь? – спрашиваю и слышу собственное сердцебиение. Нельзя подозревать человека из-за того, что он тебя фурией обозвал.

– Он очень подавлен, бедняжка, – кривит губы Ира.

– Я не знала, что у Киры были неприятности с мужем.

– Какие неприятности, первый раз слышу, – Ира ястребом смотрит на мужа.

– Не знаю ваши женские дела, мне лично этот Вовчик до лампочки, – Никита глотает солидный кусок торта и смотрит на меня. – А тебе кто сказал?

– Следователь.

– Сергей, что ли?

– Да, Сергеем зовут. Сергей Шпагин. Знаешь такого?

– Знаю. Хороший парень, честный... И всё-таки, Ика, что ты подумала, когда мою жену с этим динозавром увидела? Честно признавайся, а?

– Некогда было думать, просто почувствовала. Не дави, вспоминать тошно.

В начале первого ночи гости наконец отбыли. Остаток роскошного торта поставила в холодильник и принялась расчёсывать растрёпанные волосы.

Жарко. Не помогают распахнутые окна. Поблизости пищит комар. Писк слышу, комара не видно. Включаю свет и тщательно осматриваю белые стены. Комар затаился, если даже увижу, не смогу убить, на белой стене моментально расплывётся красное пятно, моя кровь... Говорят, раньше здесь было болото, наверно, потому комаров тянет сюда, генетическая память покоя не даёт. Чёрт с ними, дарю несколько миллиграммов моей драгоценной крови.

В тишине слышится странное пиликание, сначала подумала, что послышалось, но пиликание повторилось. Ну конечно, это в сумке мой мобильный постанывает. Предчувствуя неладное, выворачиваю сумку наизнанку и нажимаю на кнопку.

– Доброй ночи, птичка... – верещит чей-то механический голос.

Птичка?! Кто это шутит на ночь глядя? Начнём с того, что «птичкой» меня никто не называет, я не принадлежу к категории женщин, которых называют птичками, кисками, цветочками и т. д. Правда, Соня иногда Икарусом называла, не в честь автобуса, конечно.

Мобильный выключила и нырнула в постель. Во сне видела императора Августа, его мраморная статуя с грохотом шагала по пустынным улицам Москвы.

«»

В двенадцать часов утра позвонила Лола: «Если есть время, приходи, дело есть». Судя по её прононсу, Лола успела вставить свой злосчастный зуб.

Упаковав остатки вчерашнего торта в картонную коробку, стрелой полетела к подруге. Если толстеть, то лучше вместе – на брудершафт.

– Как хорошо, что пришла, как хорошо, – Лола жарко обнимает, но минуту спустя отпускает. – Это что такое, торт?

– Да, вчера преподнесли.

Всучив подруге коробку с тортом, рассматриваю квартиру, ища следы мужчины. Мужиком не пахнет, зато Адам бежит, заливаясь радостным лаем. Путаясь в ногах хозяйки, собака старается дотянуться до приятно пахнущей коробки.

– Что-нибудь случилось? – заходя в кухню, приветствую восседающую на подоконнике Баби. Гордая кошка не обращает внимания, смотрит в окно с холодностью сфинкса.

– Случилось. Вчера кто-то был в моей квартире.

Лола ставит коробку на стол и круглыми карими глазами смотрит на меня. Она немного старомодная, но мне нравятся пушистые женщины. У Лолы белая кожа, красивая грудь и округлые бёдра. Каштановые волосы отливают бронзой.

Вспоминая вчерашний день, я завожу прикольный разговор:

– Конечно, был, своими глазами видела холёного молодого человека, налетевшего на тебя прямо у входной двери.

– Чтоо?.. – Лола моментально перестала быть белой, она красная, как турецкий помидор.

– И не только увидела, услышала, – переходя границы допустимого, не могу остановиться. А может, я завидую?

У Лолы любовник, у меня – нет. Чем не повод для зависти?

Лола падает на кухонный стул, закрывает лицо ладонями и начинает реветь. Не ожидала таких сантиментов.

Адам, почуяв мою вину, заливаясь лаем, в знак протеста поднимается Баби, держа хвост в горизонтальном положении.

– Никому не проболтайся, прошу, Ия, я тебя очень прошу... – сквозь слёзы причитает Лола.

– Ты о чём? – удивляюсь я.

– Что у меня любовник...

– А что здесь скрывать? Наоборот, радоваться надо, у самолюбивой тридцатипятилетней женщины должен быть минимум один любовник, максимум – три, – размечталась я.

– Тебе легко говорить, два раза замужем побывала и третий раз выйдешь, а я... А мне до каких пор в девицах ходить?

Правильно, до каких пор должна женщина сохранять девственность? До тридцати, до сорока, до конца дней своих? Моя бабушка сказала бы: пока не найдёт хозяина души и тела. А если этот хозяин вообще не найдётся?

– Успокойся и расскажи всё по порядку.

Клаус – так зовут молодого австрийца, с которым у Лолы случился пламенный роман. Год назад Клаус вместе с международной делегацией прибыл в Россию, но назад не отбыл. На первое время решил остаться на три недели, потом на три месяца, потом на полгода. Познакомились они в магазине Лолы, куда австриец зашёл за цветочной землёй. В течение десяти минут педантичный австриец так очаровался ломаным немецким Лолы – и про землю забыл, и про все международные миссии вместе взятые. На второй день, прихватив букет цветов, Клаус явился в маленький оазис Лолы. Но Лолы там не оказалось, побежала домой кормить своих животных. Работающий в салоне персонал не поленился и прямо на седьмой этаж отправил милого иностранца.

Так начался их роман. Спустя три месяца Лола не устояла перед страстным напором Клауса и сдалась.

Клаус проживает в Тироле, на берегу реки Ин. Визитная карточка проживающих в этих местах людей – цветы. В Тироле у Клауса двухэтажный особняк с мансардой, несколько акров плодородной земли и дедовская теплица. Хозяйкой вышеупомянутого богатства приглашается Лола.

– Любишь? – радостно скривив рот, спрашиваю подругу.

– Да, – закусив нижнюю губу, признаётся Лола.

– Поздравляю, я рада... Не вру, правда рада.

Одиночество Лолы – для меня и сегодня необъяснимый феномен. Одно из двух – или мужики ослепли, или Лола не может преподнести себя подобающим образом. Провинциальная девушка с семнадцатилетнего возраста жила в столице. Окончив биологический факультет МГУ с красным дипломом, Лола начала работать в лаборатории, получая мизерную зарплату. В двадцать два года у неё состоялся серьёзный роман, настолько серьёзный, что назначили день бракосочетания. За неделю до свадьбы случилось непредвиденное – жених плюнул на всё и вместе с прежней возлюбленной укатил в неизвестном направлении. Оскорблённая Лола чуть не повесилась на собственной фате.

В течение двух месяцев несчастная девушка плакала в подушку, ещё два – с каменным лицом лежала в постели, рассматривая потолок, в конце концов смирилась, но в подсознании остался страх перед сильным полом, который она смогла побороть с помощью Клауса.

– Но ты не знаешь главного, Ия, ты не знаешь... – горестно воскликнула Лола.

– Что ещё?

– Страшная тайна.

– Тайна? – сверкая глазами, словно пантера, люблю тайны, особенно чужие. Чем страшнее, тем лучше.

– Никому не скажешь?

– Клянусь...

– Он младше меня на целых шесть лет... – шепчет Лола.

– Ну? – в предвкушении страшного мои глаза лезут из орбит.

– Стыдно. Я полюбила молокососа, я, которая запретила брату жениться на женщине постарше. А он любил эту женщину, сейчас у него молодая и противная жена, каждый день скандалят.

- Дурак!
- Кто?
- Твой брат.
- Почему? – заступилась за брата Лола.
- Что тебя послушался.
- Как поступить, Ика, что делать?
- Выходи за него, ведь любишь?
- Но...
- И слушать не желаю идиотские рассуждения насчёт возраста. Любишь – выходи. Какое значение имеет, на шесть лет младше или старше?
- А если жалеть буду?
- А если не выйдешь, не будешь жалеть? Тогда сиди в магазине, продавай свои цветы и жди ещё десять лет... Потом ещё десять...
- Может, он не мой мужчина?
- Твой мужчина должен сидеть на белом коне с надписью на лбу: «Я Лолин, не прикасайтесь ко мне».
- Раньше правда так думала, – качает головой Лола.
- Сначала живи, а потом думай. Точнее, так надо жить, чтобы не оставалось время для размышлений.
- Ия, ты никогда не жалела о своём поступке?
- Как не жалела, два развода висят на шее, – перед глазами проплыли два чернильных штампа в паспорте. – Если бы знать, когда, где, в какую минуту совершаем ошибку, жизнь была бы неинтересной, живи сегодняшним днём, выкладывайся как можешь, завтра может быть поздно или вообще не быть.
- Это как? – удивляется Лола.
- Например, война начнётся... Третья мировая война, – патетически восклицаю я.
- Какая ты умная, Ия.
- Приятно, когда кто-то тебя признаёт, даже такая безвольная личность, как Лола.
- Да, совсем забыла, зачем позвала, – спохватилась Лола. – Вчера кто-то залез в мою квартиру, сперва подумала – вор, но ничего не украдено. Подозреваю – что-то искали.
- Что ты говоришь?! – дошло до меня. – А полицию вызывала?
- Позвонила Сергею Шпагину.
- Та же история произошла с Соколовыми.
- Что ты говоришь?! – повторила Лола. – Ой, боюсь...
- Уезжай в Австрию, пока не приколошили.
- Австрия, можно подумать, в Вену приглашает! – горько воскликнула Лола. – Знаешь, что представляет собой этот Тироль? Провинция!
- Провинция! – передразнила я. – Будто в Париже родилась.
- Я выросла в Москве.
- А что Москва, большая провинция, признавайся: когда в последний раз в театре была?
- Не помню, три-четыре года назад.
- В опере?
- Ненавижу оперу.
- Тогда чего потеряла в Вене?
- В принципе ничего.
- Езжай, дорогуша, езжай, пока приглашают. Выращивай цветы, нарожай кучу детей, а мне пришлешь банку розового варенья.
- Варенья... – смеётся Лола.

Целуя в щёку подругу, я направляюсь к двери с твёрдым намерением – никаких откровенных разговоров с подозреваемыми, а подозреваются все, в том числе Лола и Никита, не говоря об Ире. Холодный разум, горячее сердце и звериная интуиция – вот что нужно для продолжения следствия. Интуиция подсказывает мне повидаться с Володей Шевченко.

Выхожу на улицу, останавливаю такси, диктую адрес.

«»

Вова и Кира Шевченко жили в спальном районе Москвы, в двухэтажном доме с английскими окнами. У Шевченко не было детей. Меня всегда удивляло, что держит Киру с мужчиной, не отличающимся ни внешностью, ни юмором. Уродом Вову не назовёшь, но и красавцем не был. Умом бог не обидел, что касается юмора, хоть убей, не смеялся над Сонькиными анекдотами. Однажды прямо так и сказал: «Травить анекдоты – прерогатива тупых». «Чтоо?..» – взорвалась Соня. «Чем больше анекдотов, тем больше стране», – Вова моментально дал задний ход. Ядовитых укулов Соньки боялись все.

Вова как японец, национальная черта которых – отсутствие юмора. Я ни разу не посещала Страну восходящего солнца, а японцев видела только по телевизору, но именно телевизионный японец поведал всему миру об этой особенности своей нации. Представляете, если бы наш человек признался, что мы неряшливый народ? То, что мы у себя дома наводим марафет, мало что значит.

Вову с Кирой связывали двенадцать лет совместной жизни. А это кое-что значит. Чёрт знает, какой Казанова прячется за чреслами в мягком теле Владимира, но я сомневаюсь, что там вообще что-то прячется. Кира никогда не обсуждала со мной свою личную жизнь, мы не были закадычными подругами. Главным инициатором нашей дружбы была Соня. Она как огромное светило, вокруг которого вращались мы, маленькие планеты. У светила для всех хватало тепла. Полугодовой вояж Сони в Америку временно рассыпал нас, как горстку рисинок. Я не звонила к друзьям детства, да и они не домогались встречи со мной. Единственный человек, с кем у меня постоянные отношения, Никита. В течение последних четырёх месяцев он три раза одалживал ключи от моей квартиры. У Никиты любовница. Я не в восторге, представляя, как некая красотка прыгает на моей постели, постанывая от удовольствий запретной любви, но Никите не могу отказать. Во-первых, я его люблю как брата, во-вторых, он шафер моего первого мужа.

Кира любила экстравагантную одежду, навороченные машины и чёрные сигареты. Муж, обладатель мясистых щёк и мёртвых, как осенняя трава, волос, был старше жены на тринадцать лет. Кроме вышеупомянутых достоинств, у него имелись маленькие интернет-кафе, рассеянные по всему городу как грибы после дождя. Видно, кафе приносили хороший доход, на зарплату психолога никак не купишь БМВ последнего выпуска, на котором лихо рассекала Кира.

Два года назад Кира привела в дом свою пациентку из детского приюта – тринадцатилетнюю девушку с глазами газели. Какое-то время они разыгрывали полноценную семью – мать, отец, дочь, но семейная идиллия долго не продлилась, девушка была или от рождения клептоманкой, или уже позже сформировавшейся воровкой. Так или иначе, семья этого не выдержала, и неблагодарного подростка вернули назад.

Наконец, такси притормозило у ворот особняка Шевченко. Нажав на звонок, я начала ждать.

Дверь открыла Вера, старая няня Киры, доставшаяся семье Шевченко в качестве приданного, вместе с белой спальней «Людовик» и фарфором «Мейсен». Веру я знала со школьного возраста, Кира не могла без неё существовать. «Арина Родионовна», – подшучивала над ней воспитанница. В роскошном особняке у Веры была собственная комната, отчислялись деньги на мелкие расходы.

Увидев меня, Верины глаза-пуговицы наполнились слезами, а моё сердце – стыдом. Как могла я позабыть бедную Веру, всем соболезновала, а о ней не вспомнила. Ведь у неё никого нет, кроме Киры. Горе родителей, конечно, необъятно, но они хоть друг друга поддерживают, а Вера одна в своём несчастье.

– Вера... – шепчу дрогнувшим голосом. – Вера...

Обнявшись, мы стоим у ворот и плачем. Спасительные слезы каплют на наши плечи, если бы не они, солоноватые, спасительные капли, человечество высохло бы от горя.

– Пойдём в дом, – толкает во двор Вера. – Кофем напою.

Понурился, захожу в знакомый двор. Под вишней стоит плетённый стол со стульями, сколько раз мы собирались под тенью этой вишни. Сонька рассказывала свежие сплетни, Кира покуривала свою длинную чёрную сигарету, Вова с Тимуром обсуждали компьютерные новости.

Вера вводит меня в просторную светлую кухню, за окнами сереют корпуса новостроек, всего три штуки, но достаточно для того, чтобы испортить уютный пейзаж. Вера достаёт банку «Макконы» и весёлые оранжевые чашки.

– Может, пообедаешь? У меня щи по-донски.

– Подонки? – не расслышала я.

– Да нет же, по-донски.

– Нет, не хочу, только кофе.

– А яблочный пирог? – не успокаивается Вера.

– Нет. Садись, Вера, и слушай, разговор будет серьёзный.

Вера смотрит на меня своими наивными глазами, лицо у неё круглое, отёкшее, как у надувной куклы.

– Какой разговор, Иечка... Жизнь кончилась, Кируша мертва, поглотила чёрная земля мою радость. Хоть бы успела ребёночка родить, утешение мне на старость.

– Какого ребёночка? – чуть не вылила кипяток на брюки. – Какого ребёночка? – повторила, не поверив своим ушам.

– Так она беременна была, первый раз слышишь?

– Беременна? – поставив кофейную чашку на стол, я уставилась на Веру расширенными от удивления глазами.

– Да. Не знала?

– Откуда знать, сто лет не виделись...

– В том-то и дело, что не виделись... – Вера с горестным выражением уставилась на свои руки, густо покрытые пигментными пятнами. – Она была такой одинокой, ей так нужна была поддержка друзей. От тебя ни слуху ни духу, от Лолы тоже, Соня в Америку укатила.

– Вера, расскажи, что ты знаешь...

...Последние два года Вера перестала узнавать свою воспитанницу. Кира стала раздражительной, настроение менялось каждый час. Был случай, два дня из спальни не выходила, лежала в своей роскошной постели и иступленными глазами смотрела в потолок. Её растерянность удивляла Веру, обычно аккуратная Кира вечно что-то теряла, а потом весь день искала, будто барабашка поселился в большом доме Шевченко.

Почувствовав беременность, Кира резко изменилась, весенней бабочкой порхала по квартире. В первую очередь бросила курить, дом наполнился медицинскими книгами с пузатыми женщинами на обложке. Бедный Вова был на десятом небе от неожиданного счастья, выполнял любой каприз жены.

Но однажды, это было примерно месяц назад, ещё до убийства Киры, у них случился скандал. Закрывшись в спальне, муж с женой громко выясняли отношения, слышался стук

битой посуды и нецензурный рёв Вовы. У Веры чуть не отсохли уши, но она так и не поняла, что не поделили «любящие» супруги.

В тот же вечер Вова перенёс свою постель в кабинет, а из спальни Киры всю ночь сочился сигаретный дым.

– Вера, скажи честно, тебе нравится Вова?

– Да, – выпрямилась Вера. – Неплохой парень, в Кире души не чаял, что касается тогдашней неприятности, с кем не бывает, дело житейское.

– Вова на работе?

– Да не ходил он на работу, с утра как засел в свой бункер, до сих пор не вылезал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.